

18+

ТАТЬЯНА РЕЗНИЧЕНКО

...ХРАНИТЬ ВЕЧНО

история одной судьбы

Татьяна Резниченко
...Хранить вечно.
История одной судьбы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67798524
ISBN 9785005665324

Аннотация

Сохранять в себе всё человеческое при любых, самых сложных, обстоятельствах. В этой книге нет ни одного вымышленного факта, события или диалога. Всё правда. Это рассказ о человеке, который никогда не терял собственного достоинства и который за долгую жизнь так и не сумел состариться.

Содержание

Об авторах Татьяна Резниченко член Союза журналистов России. Это её первая книга	5
ТАТЬЯНА РЕЗНИЧЕНКО	6
ТАТЬЯНА РЕЗНИЧЕНКО	7
...ХРАНИТЬ ВЕЧНО	8
ГЛАВА ПЕРВАЯ	8
1	8
2	11
3	13
4	14
5	18
6	22
8	32
9	36
10	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

...Хранить вечно

История одной судьбы

Татьяна Резниченко

Сохранять в себе всё человеческое при любых, самых сложных, обстоятельствах. В этой книге нет ни одного вымышленного факта, события или диалога. Всё правда. Это рассказ о человеке, который никогда не терял собственного достоинства и который за долгую жизнь так и не сумел состариться.

© Татьяна Резниченко, 2022

ISBN 978-5-0056-6532-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Об авторах Татьяна Резниченко
член Союза журналистов
России. Это её первая книга**

ТАТЬЯНА РЕЗНИЧЕНКО

Благодарности

Спасибо друзьям и коллегам , натолкнувшим на мысль о создании этой книги и за помощь в корректуре, **Галине и Александру Капустиным**

ученикам Юрия Ивановича Резниченко:

Александру Данилову, выпускнику 1978 года,

Марии Сотниченко (Маренюк), выпускнице 1994 года,

Владиславу Данилову, выпускнику 1974 года,

Нине Рубан, выпускнице 1978 года,

Сергею Жукову, выпускнику 1981 года

за добрые воспоминания о своём учителе,

благодарность коллегам-друзьям журналистам , поддержавшим идею написания книги и помогавшим практически-
ми советами. **Ольге Бессмертной и Светлане Горбанёвой**

ТАТЬЯНА РЕЗНИЧЕНКО

...ХРАНИТЬ ВЕЧНО

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Юркиного деда по отцу звали Львом Резниченко. Он был мастером Сулинского металлургического завода еще до революции 1917 года. Носил жилетку и карманные золотые часы на цепочке. По ним следил за временем плавки металла. Дед владел кварталом домов в Таганроге. Умер в начале двадцатых годов прошлого века. Тысячи тогда умирали – от тифа, голода... Это всё, что Юрка знал о своем деде. У деда осталось пятеро детей – четыре девочки и младший девятилетний Ванюшка. Сёстры обожали младшенького, веселого мальчика с пышными волнистыми волосами.

Ванюшка – Юркин отец. Теток Юра знал и любил, о каждой в семье ходили легенды. Тётя Клава – партийная активистка, делегат V Всесоюзного съезда Советов в 1929 году, ее фото с Калининым и Будённым – семейная гордость.

Ванюшка, впоследствии Иван Львович, окончил в начале 30-х годов Днепропетровский горный институт, стал горным механиком.

Юркин дедушка по материнской линии, Кузьма Захарович Кузяков, родился в селе Пичурино Ардатовского уезда Симбирской губернии в одном году с Лениным, в 1870, и в одной с ним губернии. На дореволюционной фотографии он стройный, с благородными чертами лица. Дед Кузьма рано овдовел. На руках остались два сына и четырехлетняя дочь Александра, будущая Юркина мама.

Кузяковы перебрались на Дон, в станицу Цимлянскую. Александру отдали в гимназию, где она окончила два класса. В 1916 году Кузьма Захарович женился на уроженке первой казачьей столицы – станицы Раздорской, внучке генерала Маркова. Анна Ивановна преподавала в гимназии и была лет на 15 моложе мужа. Александра никак не хотела признавать новую жену отца. Анне Ивановне приходилось идти на маленькие хитрости. Купив куклу, говорила:

– А это подарок тому, кто назовет меня мамой.

Отношения со временем наладились и были душевными до конца долгой жизни Анны Ивановны.

В Цимле Кузьме Захаровичу представился случай разбогатеть. Во время революции состоятельные соседи бежали за границу, но не взяли с собой 90-летнюю родственницу. Договорились, что Кузьма досмотрит старуху, заплатили золотом. Кузьма тогда работал на водочном заводе, таскал от туда спирт, обтирал им детей, чем спас от заразных болезней, продавал ценный продукт на пристани. Старушка оказалась любительницей выпить. Зная, что в доме имеется спиртное,

не только днем, но и ночью требовала:

– Кузя, дай выпить!

Терпение у Кузи кончилось быстро. Предложил знакомому:

– Забирай старуху вместе с ее золотом!

Знакомый забрал, а через неделю бабка умерла.

Не складывались у Кузяковых отношения с драгоценными металлами. Старший сын Кузьмы Захаровича, Василий, Юркин дядя, в эти мятежные годы работал бухгалтером в банке города Александровск-Грушевский, который позже переименовали в Шахты.

В январе 1920 года большевики с боями брали власть в городе. Хозяин банка уже уехал в Ростов и велел Василию перевезти туда золотой запас банка. Обязательный служащий не взял богатство себе, не отдал новой власти, а погрузил на сани и повёз в Ростов. У моста через речку Грушевка его уже почти нагнали красные конники Думенко, бравшие город. Но белые, охранявшие мост, пулемётной очередью отсекли мчавшихся во весь опор лошадей Василия. Благополучно добравшись до Ростова, он отдал золото хозяину. Тот предложил Василию ехать вместе с ним в Париж. Но Юркин дядька, тогда 24-летний парень, выбрал Шахты. Потому что была у него в этом городе любимая девушка Лёля, дочь купца первой гильдии Березнева. Семья скупала скот в Воронежской губернии. Гнали в Александровск-Грушевский, делали окорока, другие мясные деликатесы, на этом и разбо-

гатели. В семье имелись драгоценности, которые в момент смены власти решили спрятать. Золото и бриллианты уложили в шкатулку, обмотали тряпками и бросили в... туалет во дворе дома. Жили в самом центре города, на этом месте теперь стоит здание городского департамента образования. Когда волнения в городе стихли, Березневы решили достать шкатулку. Перелопатили содержимое сортира, но золота не нашли... Так и стоит шахтинское образование на березневских золоте и бриллиантах до сих пор.

2

Иван Резниченко после института работал в Новошахтинске, на шахте им. Скочинского, которую после Шахтинского дела в 1928 году переименовали в шахту им. ОГПУ. Молодой механик был активным парнем. Сам научился играть на скрипке и при шахтном клубе руководил самостоятельным оркестром народных инструментов. Здесь и познакомился с Александрой Кузяковой, которая уже окончила курсы счетоводов и с семьей жила в Новошахтинске. Иван и Александра поженились. В 1932 году у них родился сын Юрий, а тремя годами позже – дочь Людмила.

В 1934 году убили Сергея Мироновича Кирова, и двухлетний Юра, подражая голосу из репродуктора, декламировал: – Товарищи! Сегодня мы прощаемся с любимым Киро-

ВЫМ...

Тогда же началось «трудовое» воспитание Юрки. Отец давал сыну молоток, насыпал кучу гвоздей и разрешал вбивать в пол.

Вскоре Резниченко перебрались в Шахты. Семья жила в съёмной квартире. Отец работал механиком на шахте «Нежданная», мама – кассиром в коммунхозе, позже – в фельдшерско-акушерской школе. Жили во взаимопонимании, с хозяевами квартиры – по-родственному. В доме звучала музыка: Иван Львович играл на скрипке, Александра Кузьминична — пела под гитару. Любимый ее романс «Слышен звон бубенцов издалёка».

В доме часто бывали друзья, такие же молодые и веселые. Тогда отец ставил детей на табурет и говорил:

– Юрка, читай!

Четырехлетний Юрка читал газеты, поскольку этому делу научился рано. Сам разбирал слова, если не понимал, толкал мать в бок:

– Мам, это какая буква?

– Люська, пой!

И Люська тоненьким голоском пела. Однажды вставила лишнюю букву в знаменитый романс. И получилось: «Соколовский хор Ху „Яра“ был когда-то знаменит».

Гости долго плакали от смеха. А отец гордился:

– Вот какие у меня дети!

Голод 1933 года пережили благополучно. Благодаря

несколько авантюрному характеру Ивана Львовича в доме то появлялась мягкая мебель, фисгармония, в сенях висели окорока, то вообще ничего не было. В 1933-м отец мог обеспечить семью продуктами.

3

Юру и Людмилу отдали в детский сад на Соцгородке – поселке из восьми трёхэтажных домов, которые построила шахта «Нежданная» для рабочих. Садик располагался в одной из квартир. Рядом парк. Детей водили туда гулять. Однажды Юра увидел на поляне грибы, собрал и принёс детсадовскому повару Марии Николаевне. Оказались шампиньоны. Мария Николаевна приготовила и подала персональное блюдо для Юры. Каким же вкусным оно было. Тогда и пробудилась у мальчика страсть к грибам. Он полюбил их собирать, готовить, разбирался в них, изучал специальные справочники.

В 1939 году к Советскому Союзу присоединили Западную Украину и Западную Белоруссию. В честь этого события в детском саду подготовили инсценировку. Юрке досталась роль белоруса, а другу, Женьке Шипикину – роль красноармейца. Юрка завидовал Женьке, который гордо ходил по садику в буденовке.

Летом садик выезжал на Дон, в хутор Крымский, на «дачу». Здесь Юра научился плавать.

Дома Юра дружил с хозяйскими сыновьями и племянниками. Николай и Михаил старше Юры на 11 лет, ходили на занятия по тяжелой атлетике в ОСОАВИАХИМ. Была такая общественно-политическая оборонная организация – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству. Юрка таскался за ними, хотел быть таким же сильным, как старшие друзья, ему нравился запах пота в спортивном зале. Ребята хоть и взрослые, Юрку не прогоняли, даже уважали за то, что рано научился читать.

Любимая игрушка шестилетнего мальчика – спички. Покупал по копейке коробок, колупал углубление в бревне, которое лежало во дворе, ссыпал туда серу, бил гвоздём – взрывалось. Раз поджёг во дворе копну травы, чуть не сгорело вывешенное на просушку бельё. Тогда в семьях порой сменки не было, ходили в одном и том же, стирали и опять надевали.

Взрослые долго гонялись за Юркой по двору, всё-таки догнали.

4

В 1939 году Юркиной детсадовской группе выдали новенькие портфели и сфотографировали возле соседней, шестой школы. Но в эту школу Юра не попал, так как семья поменяла место жительства. Отец в это время решил, что на шахте мало платят, и устроился заведующим маленьким магазином на Поповке – поселке на окраине города. Юрке

наварились конфеты «Мишка», нравилось, когда отец приносил ворох денежных купюр дневной выручки и говорил:

– Юрка, складывай!

Юрка аккуратно складывал рубль к рублю, трояк к трояку, пятерку к пятерке. Удовольствие длилось недолго. Отец совершил растрату, и дело запахло керосином. Иван Львович скрывался по родственникам. Мать с детьми перебралась в полуподвальную двухкомнатную квартирку на проспекте Возрождения, сейчас проспект Клименко. В одну из комнат к ним подселили учительницу Шаповалову. Отец решил, что дело утихло, вернулся домой, тут Шаповалова его и заложила. Ночью за отцом пришли.

У Юры на новом месте появились новые друзья. Проспект Возрождения – центр города, здесь стояли и стоят по сей день одноэтажные особняки. До революции они принадлежали богатым людям, городской элите. В 20-х годах из них сделали коммуналки. В каждом доме жили по несколько семей, жили и во флигельках. Дворы разделяли высокие каменные заборы. Рядом были каменоломни, и этого материала в степном городе было достаточно. Под одной из таких стен мальчишеская компания, в которой был и восьмилетний Юра, делала подкоп. Рыли землю и наткнулись на что-то металлическое. Оказался большой медный чайник. Пацаны заглянули внутрь и ахнули: чайник полон золотых монет – пяти- и десятирублёвых. В находке не было ничего удивительного – всего 20 лет прошло со времён гражданской вой-

ны. Богатые люди уезжали, но надеялись вернуться, прятали добро, как могли.

Ребята начали делить находку, уже темнело, перешли в подъезд трехэтажного дома, там светила лампочка. Делёж проходил бурно. Не заметили, как в подъезд вошел жилец дома. Работал он не где-нибудь, а в НКВД. Взял их добычу, пацанам велел идти с ним. Милиция находилась через несколько домов. Составили протокол об изъятии... Вскоре в городской газете «Красный шахтер» появилась заметка под названием «Патриотический поступок школьников». В ней говорилось, что школьники нашли клад и добровольно отдали государству.

С тех пор Юрка помешался на кладах. Двор покрылся ямами. Домком Тихон Дмитриевич, тесть корреспондента центральной газеты «Правда» Алексея Ионова, жаловался матери:

– Что это ваш Юрка весь двор перекопал?

Ничего больше не найдя в земле, Юрка задумался: надо по чердакам полазить. Обследовал два дома. На чердаке третьего наткнулся на коробку с надписью: «Рахат лукум». Открыл... Есть! В коробке лежали серебряные вещицы: туфелька, сундучок, монокль в золотой оправе и много чего ещё. Юра никому не сказал о находке и спрятал её под стрехой сарая.

Любил Юрка ходить к матери на работу в коммунхоз. На то была причина. Там он познакомился с дядей Федей,

добрым дядькой, который всегда брал его с собой показаться на колымажке. Колымажка – квадратная бочка, которая устанавливалась на повозку, в повозку впрягали лошадь. Дядя Федя по заявкам горожан ездил чистить сортиры во дворах, а их содержимое вывозил куда-то на свалку. Юрка с ним. Не каждому пацану выпадало счастье ездить по городу на таком транспорте. Когда Юрка после очередного рейса вбегал к матери в кассу, она работала кассиром, та по запаху догадывалась: опять на колымажке катался.

Не ослабевала Юркина страсть к чтению. Он уже знал о приключениях Робинзона Крузо. Читал «Землю Санникова», «Плутония» Обручева, «Дерсу Узала» Арсеньева. Не меньше увлекали газетные статьи о подвигах челюскинцев, папанинцев.

Вместе с друзьями старался попасть на каждый новый фильм в кинотеатр «Родина», который стоял за углом, на соседней улице. На билеты денег не было, юркие мальчишки в толпе народа протискивались в зал, потом за колоннами прятались от контролёра, когда опасность быть пойманными миновала, ложились на сцену под экраном и в двадцатый раз смотрели «Чапаева», восточную легенду о трагической любви «Тахир и Зухра», «Семеро смелых».

Буря, ветер, ураганы,

И не страшен океан.

Молодые капитаны

Поведут наш караван.

Песня из этого фильма окрыляла. Центральная площадь Ленина находилась через двор от Юркиного дома. Там висел репродуктор. Юрка любил, когда передавали эту песню.

5

Юрка не помнил, от кого первого услышал слово «война». Помнил, как во дворе запричитали старухи, заголосили женщины. Потом по репродуктору слушали обращение Молотова.

Не успели люди опомниться, как немцы уже бомбили Каменоломни, где находилась узловая железнодорожная станция, и станцию Шахтная. Там мальчишки находили осколки от бомб, показывали друг другу – вот чем рушат здания, чем убивают людей. Маленькие кусочки металла вызывали ужас и интерес одновременно.

В ноябре 1941 года немцы уже взяли Ростов первый раз. Тогда же домой пришёл отец. Пришел ночью, тайно. Резниченко к тому времени жили одни, учительницу, донесшую на отца, переселили. Юра слышал приглушенный разговор отца с матерью в соседней комнате. Иван Львович отбывал наказание неподалёку от Шахт, возле Зверева. Администрация лагеря привлекала его, как специалиста, к монтажу электрической сигнализации лагеря. На всякий случай Иван Львович оставил проход.

Чем ближе подходили немцы, тем тревожнее становилось

в лагере. Сначала расстреляли 58-ю статью, «измена Родине», потом осуждённых по статьям 59.3 и 136 – бандитизм и убийства. Дело могло дойти до тех, кто сидел по так называемым «бытовым» статьям. Отец воспользовался проходом и сбежал.

Дома оставаться было опасно, он взял Юрку и пошёл с ним к своей сестре Наташе в Новошахтинск. Она жила в крохотном домишке с земляным полом на окраине, на самом краю балки, заросшей терновником и шиповником. В этот район никогда не наведывались представители власти. Шли пешком километров двадцать. По дороге Юра провалился в окоп, полный воды и покрытый тонким льдом. Наши готовились к защите города Шахты. Местное население, в основном женщины, летом рыли окопы. Но они не понадобились... Через восемь месяцев, 21 июля 1942 года, немцы взяли Шахты без боя.

Из Новошахтинска Юру вскоре привёл домой двоюродный брат, а отец скрывался там ещё год.

Весной 1942 года к соседям заехал родственник – собкор газеты «Правда» Алексей Ионов. По заданию редакции он собирал материал для статьи недалеко от Новошахтинска, в станице Большая Крепкая. Там шли упорные бои, станица переходила из рук в руки. Когда наши очередной раз зашли в населённый пункт, Алексей подобрал новенькую немецкую каску и взял её с собой. Приехав в Шахты, подарил трофей Юре. Вот это подарок! Юрка тут же надел каску и выбежал

на улицу. За ним сразу увязалась толпа мальчишек: дай поносить! Юрка в одно мгновение обрел авторитет улицы. Это была не последняя удача. Юра перелезил через каменный забор и обнаружил, что один из камней выдвинут и шатается. Мальчик вынул его из кладки и обнаружил полуистлевшую сумку с золотыми и серебряными дореволюционными монетами, а также серебряными рублями 1924 года выпуска. Находку Юра также спрятал под стреху сарая.

В середине июля 1942 года ощущалось приближение немцев – где-то далеко гроыхала канонада. 17 и 18 июля на восток колоннами уходили измученные красноармейцы. Шли непрерывным потоком несколько дней. Шли молча, слышалось только шарканье подошв.

Немецкие бомбардировщики зачастили. Раньше бомбили большей частью железнодорожную станцию в Каменоломнях, вокзал в городе, сейчас нацелились на центр города, на штаб Красной Армии, который располагался на рабфаке. Позже в этом здании была обувная модельная фабрика, сейчас – бизнес-центр. Горисполком распорядился во дворах рыть щели – траншеи глубиной метра два, накрывать их и присыпать землей. Домком Тихон Дмитриевич заставил жильцов выкопать такую щель. Резниченко ни разу ею не воспользовались, от бомбежек прятались в подвале.

Во время очередного налёта бомба упала рядом со щелью, где укрывалась соседская семья Евтюхиных – мать, маленькие дочь и сын. Отец работал в ночную смену. У шахтёров

была бронь, на фронт их не брали. От взрыва Евтюхиных придавило землей, все задохнулись. Отец пришёл с работы, увидел семью, схватил мёртвого сына на руки, ходил с ним по улице, приговаривал:

– Только не спи, только не спи.

Разум к мужчине так и не вернулся.

Через три дня Александра Кузьминична собиралась вести детей в столовую завтракать. Вдруг раздался вой сирен, возвещавших о воздушной тревоге и очередном налёте немецких бомбардировщиков. Мать вместе с детьми быстро спустились в подвал многоэтажного дома рядом с рабфаком. Там уже было несколько человек: соседи, гражданские, и одна девушка в военной форме, с ремнем, портупеей и браунингом на боку. В петлицах три кубика – старший лейтенант. Послышался гул вражеских самолётов, различались и выстрелы наших зениток. Вдруг совсем близко раздался сверлящий вой падающих бомб. Казалось, они падают прямо в дом, прошивая перекрытия насквозь. Помещение погрузилось в полный мрак, сверху на головы сыпался песок, пыль. Стояли безмолвно, прижавшись друг к другу. Только девушка в военной форме причитала:

– Товарищи, мы погибли. Товарищи, мы погибли...

Юру это поразило – как военный человек может быть паникёром. А то, что этой девушке было всего лет 25, и что, это, вероятно, первая бомбёжка, под которую она попала, мальчишка не понимал.

Когда всё стихло, люди наощупь двинулись к выходу. Он был завален обломками кирпичей и обвалившейся крышей. Проделали узкий лаз, через который выбрались наружу и оказались на краю дымящейся воронки. Оглядевшись, увидели во дворе еще несколько воронок поменьше и искорёженный легковой автомобиль. Трофейный автобус, стоявший во дворе перед налётом, теперь взгромоздился вертикально на единственную уцелевшую стену от полностью разрушенного флигеля. Во дворе от домишек и многочисленных сараев почти ничего не осталось. На крыше одного из уцелевших сараев заметили деда. С утра он лежал на улице на кровати и читал газету. Теперь дед лежал на крыше – на матрасе и с газетой. Живой. Его закинуло взрывной волной. Юра вспомнил о своём коте. Вася сидел в одной из воронок и дрожал. Увидел хозяина, побежал, прыгнул на руки и обнял мальчика.

Юре исполнилось 10 лет. Первый в жизни юбилей. Но о нём никто не вспомнил. Не до праздников.

6

Вступлению немцев в город предшествовали три дня безвластия. Угольные предприятия были взорваны, чтобы фашисты не смогли добывать топливо. Властные структуры эвакуировались. Люди были предоставлены сами себе. Надвигалась страшная неизвестность, из кинохроники уже зна-

ли о зверствах фашистов. На долгие годы эти три дня вошли в обиход под названием «растасциловка». Толпы людей, тысячи человек метались по городу от магазина к больнице, от склада к учреждениям. Тащили домой всё, что могло хотя бы как-то пригодиться. Внешне это походило на безумство. Рядом с домом, где жили Резниченко, располагались магазины, продовольственный, промтоварный и аптечный склады. Юра с мальчишками увидели, как толпа напирала на ворота во двор складов. В толпе послышалось:

– Начальник ОРСа пришёл. Хищенко... Хищенко...

Хищенко попытался урезонить людей, в ответ послышались возгласы:

– Немцам хочешь всё оставить?

Толпа оттеснила начальника и надавила на ворота. Они упали вместе со столбами. В один миг сбили амбарные замки с ворот складов. Люди хватали колбасу, наполняли маслом ведра, чайники. Юра взял с собой только наволочку, которую наполнил грузинским чаем. Отнёс ее домой и вновь выбежал на улицу. Толпа уже ворвалась в здание швейной фабрики рядом с кинотеатром «Родина». Рулоны ткани разматывали на весь квартал, от проспекта Красной Армии до проспекта Победы Революции. Каждый норовил оторвать кусок, разрезая ткань поднятыми с земли осколками стёкол. Мальчишек рассмешило это безумство. Они заскочили в здание швейной фабрики, увидели в цехах коробки с пуговицами и крючками, и усугубляя абсурдность происходящего, высы-

пали содержимое коробок со второго этажа на толпу. Во дворе дома семей сотрудников НКВД Юрка заскочил в кирпичный флигель. Глаза у мальчишки разгорелись – какого оружия здесь только не было – по углам стояли пики, лежали ружья, винтовки, сабли, патроны и даже старинные дуствольные кремневые пистолеты. Видимо, собрано конфискованное ещё во время гражданской войны. Было там и современное оружие. Юрка схватил сапетку, так называли плетёные корзины, с патронами и поволок её к себе во двор, оставил в сарае. А сам захватил мешок и побежал по библиотекам, благо, они находились рядом – в театре, в горном техникуме и на соседней улице Третьего Интернационала, ныне Ленина. Понравилась мальчишке «История гражданской войны» – картинок много, прихватил однотомник Маяковского с «Окнами РОСТА». Притащил домой несколько томов сочинений Ленина. Красивые книги – в красном переплёте с золотым теснением. В здании горкома партии разжился диапроектором и парой диафильмов. Потом к Юре приходили друзья и подружки сестры Люськи, располагались на полу и в который раз смотрели фильмы о Смутном времени и о сопротивлении Шамиля. А Юра читал титры:

– Тушинский вор бежала в Калугу, где через некоторое время был убит...

Ночью горел городской отдел НКВД.

7

21 июля всё стихло. Утром Юра вышел на площадь и уви-

дел, как с бугра, со стороны шахты им. Октябрьской революции, спускается длинная, как змея, сверкающая на солнце, механизированная колонна немцев. Фашисты заходили в город не с запада, как ожидалось, а с востока, куда ещё вчера уходили наши войска. Юра со всех ног побежал домой. Не успел спрятаться, как из-за угла со стороны проспекта Красной Армии показался немецкий лёгкий танк. Юра оцепенел от ужаса. Убежать не смог – ноги будто приросли к асфальту. В голове промелькнули все документальные кадры о зверствах фашистов, которые демонстрировали в кинотеатре «Родина».

– Вот и смерть моя пришла, – подумал мальчишка.

Танк остановился рядом, из люка вылез немец, важно прошествовал во двор, где несколько дней назад буйствовала толпа горожан. Там валялись осколки разбитого стекла, обломки утвари. Немец нашёл примус.

– Ком, – сказал он Юре. Тот уже понимал, что его зовут. Подошёл. Немец дал ему примус и кивнул в сторону танка. Юра отнёс примус, отдал другому танкисту. Танк уехал.

Сам Юра не видел, но во дворе говорили, что на проспекте Красный Шахтер какой-то дед подносил фашистам хлеб-соль.

Потом в дом к Резниченко пришли немцы из жандармерии, с металлическими бляхами на груди. На столе стоял принесённый с «растаскиловки» чай. Жандармы забрали чай, граммофонные пластинки и дали расписку, что конфис-

куют для германского госпиталя. Госпиталь расположился в здании рабфака.

Юра устроился возле сарая разряжать патроны. Никто его не учил этому, никто не показывал. Сам додумался, как расшатывать пули, извлекать порох. Но больше мальчика интересовали стальные сердечники бронебойно зажигательных пуль. Хозяйственный Юра слышал, что ими можно стёкла резать, и решил, что в доме сердечники пригодятся. Соседи увидели сосредоточенно работающего Юрку, и пули вместе с сапеткой полетели в колодец, находившийся в дворе. Вода в нём горько-солёная, годилась только на хозяйственные нужды. За питьевой водой ходили километров за пять на Лисичкино озеро на Поповке.

Мать вспомнила о трофейной каске и велела Юре:

– Выброси ее к чёртовой матери, из-за неё нас расстреляют!

И каска полетела в колодец. Вслед за ней – тома сочинений Ленина. Золотые буквы на обложках неделю сверкали сквозь водяную толщу. Приказ немецких властей о расстреле тех, кто не сдаст оружие, уже висел на улицах города.

Мысли об оружии, увиденном во флигеле НКВД, не давали Юре покоя. Он опять пошёл туда. Немцы уже очистили помещение, во дворе валялись только винтовки с отбитыми прикладами. Во флигеле стоял диван, Юра заглянул под сидение и нашёл там старинное ружьё с гравировкой оленя и турецкую изогнутую саблю. От собственного дома Юру от-

деляла трёхметровая кирпичная стена. Так не хотелось карабкаться на неё. Юра понёс трофеи по улице и сразу наткнулся на немцев. Те, видимо, были знатоками антикварного оружия: «Гут! Гут!» И отобрали Юрин арсенал. Обошлось без последствий.

Сразу по пришествии немцев загорелся театр имени Томского, который стоял на месте нынешнего департамента соцзащиты населения. Высоко летели обугленные головешки. Через неделю Юра наблюдал, как фашисты пытаются с помощью танка сбросить с постаменты памятник Ленину, зацепив его тросом, но танк буксовал и становился на дыбы. Юра увидел, что под памятник закладывают взрывчатку. Понял, будут взрывать, и со всех ног побежал домой. Взрыв грянул мощный. По металлической крыше дома что-то сильно загрохотало. Оказалось, памятник был начинён металлическими шариками. Они разлетелись по всей округе, как шрапнель, долетели и до Юркиного дома, пробили крышу.

Юра решил испытать судьбу. Во дворе стоял общественный туалет, там висел старый портфель с бумажками для соответствующей гигиенической процедуры. Именно в портфель Юра перепрятал свои драгоценные находки, которые до сих пор лежали под стрехой сарая. Неделю мальчик аккуратно подкладывал в портфель бумагу, чтобы люди не добрались до ценностей. Но потом всё же принёс их домой и показал матери. «Сокровища» приходили смотреть все пацаны с округи.

Фашисты ввели берлинское время. Установили денежный курс – за десять рублей давали одну немецкую марку. У Резниченко денег не было. Впрочем, как и у многих шахтинцев. Установился натуральный обмен. Горожане ходили в хутора и станицы, обменивали одежду на продукты. В обиходе говорили: ходить на менку.

Два дня у Резниченко квартировали венгры. В начале августа определили на постой румын – врача и унтер-офицера, парня лет двадцати двух по имени Мишка. Мишка говорил по-русски. Вместе с 17-летним соседом Ванькой, который по возрасту не попал на фронт, лазил воровать груши у соседей. Юру сажали на забор на атас. Похоже, Мишка ещё не свyksя с ролью оккупанта, ведь он мог зайти и просто взять эти груши. Через неделю Мишка сказал:

– Уходим на Сталинград. Не знаю, вернёмся ли. Если вернёмся, зайдём к вам.

Не зашли.

С румынами Юре довелось встретиться ещё раз. Как-то он ходил в соседний Новошахтинск повидать отца. Возвращался вместе с двоюродным братом, родственники дали несколько кабаков, тыквы у них уродили в тот год хорошие. Почти двадцать километров десятилетние мальчишки тащили тяжелые кабаки. Уже вошли в Шахты, когда их увидели румынские солдаты. Те подозвали ребят, отняли тыкву, разрезали штыками и начали есть прямо сырую. Видно, румын снабжали хуже, чем немцев. Обидно было до слёз.

Хотели порадовать мать и маленькую Люську. Думали, еды на несколько дней хватит.

Немецкий офицер Бернард с ординарцем Феликсом прожили у Резниченко месяца три. Похоже, Бернард работал в госпитале. Жил в отдельной комнате. Юра заметил, что обед фрица состоял из шести блюд, но порции были крошечными.

Продовольственные запасы семьи Резниченко были скудными – картошка, кабачки с огорода, отец привез с растащивки из Новошахтинска два мешка муки. Иван Львович ещё оставался у сестры, опасаясь, что немцы привлекут его как специалиста к восстановлению взорванных шахт.

Юра ставил ловушки из кирпичей на воробьев. Ошипывал и жарил на печке. Чтобы птицы не разлетались, помещал их в ящик стола в комнату Бернарда пока того не было дома. Один раз Юра не подгадал. Бернард открыл ящик, птицы выпорхнули и заполнили всю комнату. Немец заскочил в комнату Резниченко, размахивая руками, заставил Юру переловить воробьев. Однажды в комнату к Бернарду зашёл Юркин кутёнок и нагадил фашисту в тапки, тот встрял в говно и поднял шум. Тапки заменили, но на следующее утро кутёнок повторил диверсию. Ординарец расстрелял собачонку.

По соседству, в доме, где жили семьи сотрудников НКВД, разместился какой-то полицейский пункт, в нем регистрировали имеющийся у шахтинцев скот. Люди приводили коров, баранов, коз – всю живность, кроме кур. Проспект Воз-

рождения заполнился скотом, всё блеяло, мычало. Куда потом девались животные, неизвестно. Может, угоняли в Германию. Во двор, где жили Резниченко, забрёл бычок. Сосед быстро заколол его, а мясо поделил между жильцами. Кстати, этот сосед вскорости стал полицаем, а после освобождения города куда-то исчез. Семье Резниченко тоже досталось несколько килограммов мяса. Хранить его негде, и мать напекла больше десятка пирогов с мясом. К началу зимы мука кончилась. Александра Кузьминична варила кукурузные зёрна и делала из них лепешки. Какими бы голодными ни были дети, а лепёшки ели без удовольствия.

Как-то Юра полез в узкое пространство между каменным забором и домом и обнаружил там небольшой фанерный чемодан. В нём лежали исписанные листы бумаги. Это оказался шахтёрский фольклор. Юра вспомнил, что Алексей Ионов, корреспондент «Правды», подаривший ему немецкую каску в 1942 году, собирал шахтёрские песни, предания, анекдоты. Алексей в юности работал в шахте, потом в городской газете «Красный шахтёр». Юра вспомнил, как тёща Ионова – Мария Ивановна пела для него:

– Гудки тревожно загудели,

Юра спрятал чемодан...

По улице Советской целыми днями непрерывной колонной шли на Сталинград немецкие грузовые автомобили. Они были раз в десять больше наших полуторок. Шли настолько плотно, что невозможно было перейти улицу. Всю централь-

ную аллею парка заняли такие же грузовики с прицепами. Среди деревьев немцы рыли укрытия для зенитных установок. На стадионе вплотную, один к одному, стояли бензовозы. Мощь невиданная. Оставалось только догадываться, как приходилось нашим под Сталинградом.

Здание Госбанка, что на площади Ленина, немцы приспособили для склада посылок из Германии. К разгрузке привлекали мальчишек. Они шли на работу, прихватив с собой что-нибудь острое. У Юры было ржавое безопасное лезвие. Посылки переносили из машины по коридорам здания. В большом зале их принимал немец-кладовщик. Бандероли были в мягкой упаковке. Мальчишки, пока шли по коридору, аккуратно делали небольшие разрезы и вытаскивали, что попадалось в руку. Добычу прятали за пазуху. На против банка стояла железобетонная кинобудка, оставшаяся от деревянного кинотеатра «Октябрь», растасканного жителями на дрова. Там мальчишки и делили добычу в конце смены. Кому достался шоколад, Юре – пачка белого порошка. Попробовали, сладкий. Начали есть.

– Давайте хоть посмотрим, что мы едим, – Юра взял упаковку. На ней была нарисована рука с ранкой. – Тьфу! Это же присыпка для ран.

– Видели? Фрицы оставили на улице неразгруженную машину с посылками, – сказал Володька. – Давайте ночью туда залезем.

Володька Ержов был старше Юры года на три, ему было

лет 13—14. Но он уже слыл вором-карманником.

— Ты что, думаешь, немцы охрану не выставят? Вспомни, как фриц Кольку горбатого отходил! Дрын на горбу сломал, — возразил Юра.

— А! Ты бздишь! — разозлился Володька.

— Не в этом дело. Голову на плечах надо иметь! — крикнул Юрка.

Разошлись каждый при своём мнении. На следующий день Юра ребят не встретил. А вскоре вывесили приказ немецкого коменданта города о расстреле группы мальчишек «за хищение немецкого имущества». В приказе значилась и Володькина фамилия.

*Народ валит густой толпой,
А молодого коногона
Несут с разбитой головой.*

8

Отец вернулся домой в ноябре 1942. Немцам уже не было ни до кого. В Сталинграде они завязли крепко. А зимой потянулись обратно. Заморенные, грязные, они падали в доме на пол, спали и уходили.

По ночам город начали бомбить наши. Утром, после очередного налёта, прошёл слух, что рядом, на улице Пушкина,

убило женщину. Юра побежал туда. Во дворе, где жили армяне, взрослые палочками собирали в сапетку останки женщины. На земле Юра увидел оторванный палец с перстнем. Поднял голову – на проводе висели кишки. Мальчика обуял дикий страх. Страх перед ночными бомбёжками. Потом на протяжении нескольких лет в феврале на него находила тяжёлая депрессия...

Дней за десять до прихода наших немцы начали угонять в Германию мужчин и ребят-подростков. Соседа, семнадцатилетнего Ивана, немцы тоже угнали. Но в Новошахтинске он сбежал и прятался дома от немцев. Те уже суетились, готовились к отходу.

Юра и Иван внимательно наблюдали за домом напротив, где квартировали немецкие офицеры. Его так и называли «дом офицеров». Сейчас он известен как дом Олимпийского чемпиона Василия Алексеева. Вечером 11 февраля немцы погрузились в машину. Не успел автомобиль завернуть за угол, как ребята побежали в дом офицеров поискать что-нибудь интересное для себя. Во дворе увидели три металлические бочки. Кинулись к ним, но Юра крикнул:

– Мина!

Действительно, возле бочек лежала противотанковая мина. В оружии, снарядах он уже разбирался, как многие мальчишки. Тайком от родителей разряжал патроны, гранаты, снаряды.

Противотанковую мину Юра сразу узнал. Но Ванька ре-

шитительно произнес:

– Если взорвемся, от нас ничего не останется.

Лихо подфутболил мину. Она загромыхала по утоптанному снегу, но не взорвалась, оказалась без запала.

Бочки были с соляжкой. Мальчишки быстро перекатали их в свой двор и спрятали. Когда вернулись, увидели, что доме уже полно людей, все искали, чем поживиться.

– Э, – подумал Юрка, – так нам ничего не достанется.

У него в кармане была горсть патронов, мальчишка, недолго думая, кинул их в горевший камин. Патроны начали взрываться. Люди подумали, что началась стрельба, разбежались. И Юра с Иваном спустились в погреб, набрали свеклы, моркови, сушёной картошки.

На следующий день с утра в городе слышались автоматные очереди и взрывы гранат. Как только бой стих, Юра побежал смотреть. На проспекте Красной Армии, возле семидесятой аптеки, лежал труп немца, грудь прошита автоматной очередью. Пять отверстий. На площади, возле трибуны для митингов, стояли несколько зачехленных «катюш». У входа в угловой магазин напротив кинотеатра «Родина» заметил разорванное гранатой тело немца.

Когда пришёл домой, увидел красноармейцев. Они рассказывали родителям:

– Вам повезло, что немцы не оказали серьезного сопротивления. Город взяла разведка боем. Иначе пришлось бы применять «катюши». Тогда бы город сильно пострадал.

Пожаловались, что горячего у них маловато. Тогда Юра и показал припрятанные бочки солярки.

– То, что надо! – обрадовались бойцы.

Семье за это дали несколько буханок хлеба.

Дома не сиделось, на улицах было шумно и многолюдно. Юра решил проверить места, откуда только что ушли немцы. Пошёл в рабфак, где располагался немецкий госпиталь. Наверняка там осталось что-то ценное. И точно, нашёл целый мешок травяного чая. Пили долго, пока кот Вася не справил в мешок малую нужду. Там же Юра нашёл разные лекарства. Дома со словарём перевел инструкции, лекарства пригодились. Возле опустевшего полицейского участка увидел две отрезанные конские ноги. На этом венгерском тяжеловозе ездили полицаи, а перед бегством, наверное, зарезали его на мясо, ноги прямо с подковами остались. Юра решил, что они пригодятся на холодец, потащил их домой. Какими же тяжёлыми они были... Но мать не оценила добычу и заставила выбросить трофей.

Юра зашёл в дом, где регистрировали скот, и оторопел: одна из его комнат была полностью забита шапками, фуражками, женскими беретами. Мальчик сразу понял: это головные уборы расстрелянных. Может, где-то здесь была и фуражка Володьки Ержова. Тогда ещё никто из горожан не знал, что фашисты скинули в шурф шахты имени Красина три с половиной тысячи человек. Это выяснилось позже, когда были оглашены результаты работы комиссии по рас-

следованию злодеяний фашистов на оккупированной территории.

Трупы немцев еще с неделю лежали на площади на морозе. Потом их убрали в подвал ближайшего здания.

9

Февраль был снежный, холодный. В марте белый покров подтаивал. Из-под снега начали появляться мины, снаряды. Юра брал сумку и каждое утро отправлялся на поиски боеприпасов, прятал найденное на чердаке. Друзья с завистью смотрели на Юркин склад, норовили что-нибудь стырить. Юрка их гонял:

– Идите отсюда, сами не можете найти, а ко мне лезете...

Пацаны в долгу не остались. Кто-то проболтался о Юркиных запасах бойцам истребительного батальона, который выполнял обязанности милиции. Снаряды забрали. Юра находил новые снаряды и закапывал за погребом. Сначала одному яму заполнил, потом вторую.

В городе постоянно ходили слухи о несчастных случаях: мальчишки разряжали снаряды, подрывались – кто на смерть, кто оставался инвалидом. Как-то знакомый мальчишка показал Юре во дворе необычный патрон для винтовки совсем без пули. Юра предупредил:

– Не вздумай распиливать – от нагрева может рвануть.

Тут мать позвала обедать. Не успел Юра сесть за стол, как во дворе раздался взрыв, потом страшный крик. Сбежались соседи. Юрин знакомый сидел с окровавленным лицом, оторванными пальцами руки. Одного глаза не было.

Центр города от смертоносного мусора очистили быстро. При отступлении немцы взорвали свой склад боеприпасов на Петровке. Отдельные заряды отлетели от склада, не взорвавшись. Мальчишки группами и в одиночку разряжали их, чтобы извлечь порох. Это были не обычные снаряды, а заряды для орудий в виде унитарных патронов с порохом в гильзах. Чтобы разрядить такой заряд, надо было расшатать снаряд в гильзе и вытащить его. Гильза было наполнена порохом, насыпанным в шёлковые мешочки. Юра разряжал только сам, в компаньоны никого не брал. Справлялся со снарядами больше своего роста. Как-то мешочки Юра принёс матери. Та восхитилась:

– Ой, какие красивые мешочки! Сделаем из них платочки.

Юра про себя усмехнулась: знала бы ты, какой опасности я подвергался, чтобы их достать. Во дворах нашёл ручной пулемёт. Отец прознал, выбросил его в туалет. Юра увидел, что дуло торчит, вытащил, обмыл возле колодца, смазал. Но в истребительном батальоне узнали о пулемёте, пришлось бросить его в колодец. Жаль, хорошая была вещь.

До оккупации Юра перешёл в третий класс. После освобождения занятия организовали только в мае. Но какая там

учёба, когда наконец стало тепло. Бурили постоянно. На Белой горке играли в футбол, искали в городе всё, что связано с войной.

К лету с пятью друзьями купили в складчину рыболовную сеть. Пошли на рыбалку на Лисичкино озеро. Ребята протянули сеть по воде раз, другой. Рыбы не было. Юра предложил:

– У меня есть немецкая граната, давайте кинем и узнаем, есть там рыба вообще.

Спрятались за железнодорожной насыпью. Юра, стоя на путях, зажигал бикфордов шнур. Тут дружок Юрка Алексеенко пристал:

– Дай мне, дай мне.

Дал. Сам поднёс огонь к бикфордову шнуру, который с шумом вспыхнул. Юрка Алексеенко вздрогнул от неожиданности, упустил гранату и убежал. Граната покатилась к ногам Юрки Резниченко. Тот отфутболил её, но она ударилась о рельс и опять покатилась к ногам мальчика. Юрка прыгнул под откос и успел укрыться от взрыва. Тут же ребята увидели приближающийся поезд и бегущих в их сторону военных. Спаслись бегством. Рыболовная сеть так и осталась на рельсах.

Прошло уже полгода со дня освобождения города Шахты от фашистов, а бои всё ещё шли под Таганрогом. Однажды у Резниченко остановились интенданты, снабжавшие продуктами одну из военных частей, сражавшихся на Миус

фронте. Юра сагитировал соседа Володьку Журавлева:

– Спрячемся в кузове интендантской машины и через шесть часов мы уже на фронте.

Воевать они не планировали, реально смотрели на жизнь, а вот увидеть настоящий бой было заманчиво. Спрятались хорошо, проехали несколько блокпостов. Военный патруль обнаружил мальчишек, когда уже слышались пулемётные и автоматные очереди. Ребят отправили домой той же машиной. Мать не ругала. Рада была, что хоть живой вернулся. С фронта.

Несмотря на первую неудачу, рыбную ловлю мальчишки не бросили. Вместе с другом Володькой Шевченко вставали затемно, брали боеприпасы и шли на железнодорожный вокзал, садились на товарняк или прыгали на ступеньки пассажирского поезда, добирались до речки Тузлов. Глушили рыбу. Кормили всю дворню, всех соседей, не говоря уже о своих семьях. И даже продавали на базаре. Продавал Володька, Юрка стеснялся этого занятия.

Когда наступало время получать продуктовые карточки. Мать обращалась к Юре:

– Дай что-нибудь из своих сокровищ – лишние карточки получим.

Юра выделял драгоценные вещицы из найденных кладов. Так Юрины находки помогли выжить семье в голодное время.

Отец вскорости получил назначение от самого министра

угольной промышленности Засядько на должность главного механика треста «Лисичанскуголь». Уехал на восстановление шахт Донбасса один. Мать устроилась посудомойкой на фабрику-кухню. Повар там была женщина добрая и всегда разрешала Александре Кузьминичне покормить детей. Юра с Людмилой приходили на обед и получали по тарелке вкусного борща.

10

9 мая, часа в четыре утра, услышал крик соседки:
– Победа!

Вечером Юра пошёл на площадь. Казалось, сюда пришёл весь город. Царило всеобщее ликование. Из репродуктора звучала музыка. Военных поздравляли.

После победы начали возвращаться из эвакуации соседи. Вернулись и домком Тихон Дмитриевич с женой. Вскоре к ним в гости приехал их зять Алексей Ионов. Юра отдал ему найденные рукописи. Тот несказанно обрадовался. Рукописи легли в основу первой книги Иопова «Песни и сказы Донбасса».

В доме Резниченко были гитара и скрипка. Лет в тринадцать Юра стал подбирать мелодии на одной струне гитары. Перенял несколько аккордов у друга Толика, уроки давал знакомый лейтенант, который лечился в госпитале. Брат

Николай из Новошахтинска научился играть у цыган, передал свои знания Юре. Так постепенно Юра стал играть на семиструнной гитаре.

Дружеская компания Юры становилась всё больше. Собирались у кинотеатра «Родина». Гуляли по проспекту Красной Армии, здесь собиралась вся молодёжь города. В парке, сидя на траве, ребята играли на гитаре. Самой популярной мелодией была «Розамунда», девушкам особенно нравилась «Серенада солнечной долины»:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.